

Н. Г. Волкова

**НОВОЕ И ТРАДИЦИОННОЕ В КУЛЬТУРЕ
НАРОДОВ ЗАКАВКАЗЬЯ**

Культура ¹ современных народов характеризуется сочетанием нового (инновация) и традиционного. Даже в культуре самых урбанизированных и индустриализированных народов сохраняются традиции, хотя они в отличие от инноваций занимают в ней скромное место. Законы развития нового и традиционного таковы, что сегодняшняя инновация через какое-то время может стать традицией. И это новое, уже став традицией, на последующем этапе истории обязательно встретится с другой инновацией, которая в свою очередь со временем превращается в традицию. Этот процесс бесконечен и, как подтверждают факты истории, характерен не только для современной культуры, но и для культуры прошлых эпох. Таким образом, культуру можно рассматривать как сложный синтез традиций — старых и новых, а также нового, еще не успевшего стать традицией.

Исследование традиций и инноваций, столь успешно осуществляемое в современной этнографической науке, — это только одна, хотя и, несомненно, важная сторона познания культуры народов. Другая необходимая сторона исследовательской работы этнографа состоит в анализе этих явлений в динамике ². Такой подход дает возможность понять, в каком направлении изменяется культура одного или нескольких народов и определить способствующие этому факторы. Естественно, что изучение традиций и инноваций в таком аспекте возможно только на основе материалов, представляющих культуры многих народов (например, целого региона) разных исторических эпох ³.

Слово «традиция» (лат. *traditio*) означает предание, передача. Именно как передача культурного наследия отдаленного или сравнительно недавнего прошлого последующим поколениям и воспринимается понятие «традиция» в современной исследовательской литературе ⁴. И традиция и инновация не существуют вне конкретной исторической эпохи. Они порождаются определенными социально-экономическими условиями и теснейшим образом связаны с ними в дальнейшем своем развитии. Однако обе названные категории, сосуществуя в одной социально-экономической среде, проходят различный путь развития. Традиция

¹ В статье исследуется только бытовая культура (ее характеристику см. Ю. В. Бромлей. *Этнос и этнография*. М., 1973, с. 72—75).

² См. Я. С. Смирнова. *Традиция и инновация в семейной обрядности* (по материалам Северного Кавказа). — IX МКАЭН. Чикаго. М., 1973; А. Г. Трофимова. *Традиционное и современное в одежде населения Азербайджана наших дней*. — IX МКАЭН. Чикаго. М., 1973.

³ В основу данной статьи положены полевые материалы, собранные автором во время экспедиций в Закавказье в 1973—1977 гг. Эти материалы хранятся в научном архиве Института этнографии АН СССР.

⁴ Ю. В. Бромлей. *Указ. раб.*, с. 68.

видоизменяется, наполняется новым содержанием или со временем исчезает из быта народа. Изживающая себя традиция заменяется, хотя и не всегда, новой традицией, развившейся из инновации. Последняя может возникнуть (заимствоваться) как совершенно новый элемент культуры или на основе старой традиции путем создания компромиссных форм⁵. Появившись, это новое какое-то время существует обычно не в чистом виде, а как переходная форма от традиции к инновации. Чтобы инновация (или компромиссная форма) превратилась в традицию, необходимо не только время. Новое становится традицией лишь с того момента, когда оно начинает проявляться не в единичных примерах, а приобретает массовый характер.

Уже отмечалось, что традиция порождается социально-экономическими условиями. Казалось бы, изменение последних должно привести к исчезновению традиции. Однако она длительное время сохраняется и в новой социально-экономической среде. На эту особенность традиции обращал внимание К. Маркс, писавший, что «традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых»⁶. Но такой консерватизм традиции не означает, конечно, ее абсолютной неизменности. Она трансформируется и приобретает черты новой исторической эпохи. Это свидетельствует не только о теснейшей связи традиции с социально-экономической обстановкой, но и о ее относительной самостоятельности, поскольку традиция, хотя и в измененном виде, продолжает жить в новых социальных условиях. Однако наступает момент, когда старая традиция вступает в противоречие с существующей социальной обстановкой и окончательно отмирает.

Иллюстрацией к сказанному могут служить кавказские этнографические материалы. Например, в общественном быту многих народов мира, в том числе и на Кавказе, в докапиталистические периоды истории был распространен обычай аталычества⁷. Возникнув еще в доклассовом обществе, этот обычай в эпоху феодализма приобрел ярко выраженный сословный характер. Письменные источники XVII—XIX вв. сообщают факты, когда обычаем аталычества были связаны различные по своей социальной принадлежности фамилии абхазов, грузин (имеретин и мегрелов), адыгов, убыхов, осетин, балкарцев и др., причем, как правило, семья высшего сословия отдавала детей в семью более низкого сословия. Семья, воспитывавшая ребенка феодала, приобретала в лице последнего покровителя, с которым была связана узами искусственного родства, а главное, получала от феодала землю. Таким образом, феодализм в корне изменил характер этого древнего обычая, отразив новые социальные условия — отношения зависимости и покровительства.

В последней четверти XIX в. с развитием на Кавказе капиталистических отношений обычай аталычества в основном исчез. В это время только среди абхазов, западных грузин и адыгов были известны отдельные случаи отдачи знатными людьми своих детей на воспитание в крестьянские семьи своего или соседнего народа.

Кроме описанной феодализованной формы аталычества, в XIX в. появляется качественно новая его форма, в основе которой лежал все тот же древний обычай. Семья отдавала своего 9—10-летнего ребенка на один-два года в семью другой национальности. Ребенок жил в семье воспитателя, помогал в работе, а главное — овладевал языком другого

⁵ Я. С. Смирнова. Указ. раб., с. 4, 5.

⁶ К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8. М., 1957, с. 119.

⁷ Аталычеством в кавказоведческой литературе именуется порядок, при котором «ребенок вскоре после рождения переходит на некоторое... время в другую семью, а затем возвращается к своим родителям» (М. О. Косвен. Аталычество.— «Этнография и история Кавказа». М., 1961, с. 104). В. К. Гарданов, исследуя генезис этого обычая, связывает его с первобытной общностью детей (В. К. Гарданов. Аталычество.— IX МКАЭН. Чикаго. М., 1973, с. 15).

народа. Подобный тип аталычества встречался у народов, имевших тесные хозяйственные контакты (торговля, отгон скота, отходничество). Их осуществлению помогало знание разговорного языка и наличие аталыческих связей. Такие факты, например, известны среди грузин. Сваны отдавали детей в карачаевские и мегрельские семьи; дети тушин иногда воспитывались в азербайджанских семьях (обычно они жили там зимой, когда тушинский скот находился на зимних пастбищах Ширака, где происходила торговля с азербайджанцами); дети рачинцев жили в осетинских семьях и т. п. Уже в 1920-е годы факты такого рода неизвестны. И это понятно: коренным образом изменялись социально-экономические условия, направление хозяйственных связей, возникала необходимость в знании других языков (например, русского), овладение которыми происходило совсем иными путями.

Помимо отмеченной специфики, традиции обладают еще одной важной чертой. «В силу взаимодействия культур, а также определенной культурной конвергентности в развитии народов, — пишет Ю. В. Бромлей, — преобладающая часть этнических особенностей в сфере культуры имеет, так сказать, относительный характер. Они выступают как общее свойство нескольких этнических единиц, отличающее одновременно всех их от некоторых других единиц того же типа»⁸.

Можно привести много примеров, свидетельствующих о широкой распространенности традиций у целой группы народов, даже не связанных этнолингвистическим родством и религиозной принадлежностью. Таковы некоторые обряды свадебного цикла народов Закавказья: посыпание невесты сладостями (изюм, конфеты, орехи) и мелкими серебряными монетами⁹, разбивание тарелки молодыми, когда они переступают порог дома жениха¹⁰, сажание на колени невесты мальчика 3—5 лет (после того как невесту введут в предназначенную для молодоженов комнату)¹¹ и т. п. Широко был также распространен обычай закалывания барана на пороге дома жениха в момент, когда его переступала невеста (азербайджанцы, хыналыгцы, ингилойцы-мусульмане, греки-урумы, грузины Цалки, армяне — в старом быту¹²).

Традиции, подобные названным, были известны по всему Кавказу¹³ и за его пределами¹⁴. Но судьба их в среде отдельных кавказских народов и их этнографических групп складывалась по-разному. На протя-

⁸ Ю. В. Бромлей. Указ. раб., с. 65.

⁹ Имелись варианты этого обычая. Так, у грузин (Тианети, некоторые районы Картли), у мтиулов, пшавов, рачинцев свекровь угощала невестку медом. В Мегрелии девушку посыпали зернами пшеницы и мелкими монетами; армяне Абхазии — пшеницей и монетами. У грузин-сванов было принято встречать невесту с миской муки, свежим сыром, зажженной свечой (вариант: миска с мукой и женское нагрудное украшение из серебра). У удин невеста, входя в дом жениха, должна была наступить на блюдце со сливочным маслом, в котором лежала деревянная ложка. Этим маслом затем жених мазал косяк двери, а дружки — лицо.

¹⁰ Или только невестой в случае выполнения женихом обычая скрывания во время своей свадьбы (в недавнем прошлом, например, у абхазов, азербайджанцев, хыналыгцев). У некоторых народов Закавказья в традиционной свадьбе на порог дома жениха клали деревянную или медную посуду. У армян, живущих в Абхазии, это был медный поднос, в Грузии (в Сванети) — деревянная миска, а в горных селах Аджарии и в Джавахети — медный котел. В 1930-е годы вместо деревянной и медной утвари в быту кавказцев все больше стала использоваться фаянсовая и стеклянная посуда. И в описанном выше свадебном обряде в эти же годы на порог дома жениха стали класть фаянсовую тарелку.

¹¹ Имеются варианты. Например, у армян, живущих в Ахалцихском районе, за свадебным столом на места, предназначенные для жениха и невесты, сажали мальчика и девочку, которые уступали эти места молодым только после получения подарка.

¹² С. Д. Лисициан. Очерки этнографии дореволюционной Армении. — «Кавказский этнографический сборник», I. М., 1955, с. 240.

¹³ Я. С. Смирнова. Новые черты в адыгейской свадьбе. — «Сов. этнография», 1962, № 5, с. 32; Б. А. Калоев. Осетины. М., 1971, с. 220, 221; М. И. Ихилов. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967, с. 192, 194, 196.

¹⁴ Н. П. Лобачева. Формирование новой обрядности у узбеков. М., 1975, с. 36, 37.

жении, например, последнего столетия у одних народов такие свадебные традиции сохранились без изменения, у других исчезли, у третьих значительно видоизменились.

Обряд посыпания или угощения сладостями невесты (или молодых) сохранился в свадьбах армян, у части грузин, абхазов; обряд закалывания барана выполняется в свадьбах азербайджанцев, ингилойцев-мусульман, но исчез у грузин Цалки, у греков-урумов, у хыналыгцев. Некоторые традиционные свадебные обряды, очень архаичные по своей природе, исчезли уже из свадебного ритуала закавказских народов в 1930-е годы. Таков, например, обряд, происходивший в доме жениха, во время которого жених и невеста, держась за надочажную цепь, трижды обходили вокруг срединного открытого очага. В конце 1920-х годов такой обряд еще сохранялся на значительной территории Грузии, в Абхазии, в некоторых районах Армении. В районах, где открытый очаг заменили пристенные камины, невесте полагалось трижды повернуться около камина. Имелись и другие варианты обряда. В Тианети (Грузия) в свадебном помещении ставился металлический треножник, под который клали бревно, имитируя таким образом открытый очаг. Вокруг него обводили жениха и невесту. Со временем описанный обряд еще более изменился. Так, в грузинских свадьбах конца 1960—1970-х годов (Мтиулети, Сванети, Кахети) невесту иногда обводят вокруг стола или трижды поворачивают на месте. Выполнение этого обряда в настоящее время необязательно.

В последние десятилетия видоизменились и другие традиционные свадебные обряды. У грузин Сванети, например, традиционная чашка с мукой нередко заменяется тортом или вообще отсутствует. Обряд сажания маленького мальчика на колени невесты сохраняется, но в некоторых районах он существенно изменился. Например, в ряде сел Аджарии за свадебным столом на места, предназначенные для жениха и невесты, ставятся две куклы, одетые мальчиком и девочкой. Затем устроители свадьбы кукол убирают, а на их места садятся молодые.

Как уже отмечалось, культура любого народа предстает в сочетаниях старых и новых традиций и инноваций. Это характерно для всех без исключения сфер бытовой культуры. В хозяйстве разных народов имеются традиционные, сравнительно недавно возникшие и совсем новые отрасли хозяйства. Примеров тому множество и в Закавказье. В хозяйстве западных грузин сочетаются древнее виноградарство и сравнительно новые чаеводство и цитрусоводство; в некоторых районах Азербайджана — древнее рисоводство (в настоящее время частично исчезнувшее) и совершенно новое чаеводство. В каждой историко-этнографической зоне изучаемого региона сосуществуют исторически различные формы жилища, отражающие традицию на разных этапах ее развития. Например, в районах Южной Грузии (историческая Месхет-Джавахети) в 1930—1940-х годах сочетались четыре типа жилища: древние — со ступенчато-пирамидальным перекрытием (*дарбази*) и с земляным плоским перекрытием (*ода*), переходные формы (*панджариани сахли*, т. е. дом с окнами) и дома нового типа. Последние в отличие от первых трех имели уже двух—четырёхскатную крышу, их хозяйственные помещения не объединялись одной кровлей и зачастую были вынесены за пределы жилой части дома¹⁵.

Современный костюм кавказского сельского населения в основном общеевропейского типа, но нередко включает и традиционные элементы: у мужчин, например, папахи, сванские шапочки, головные повязки из башлыка, вязаные носки; у женщин (преимущественно старшего поколения) головные платки и традиционный способ их повязывания, неко-

¹⁵ Т. А. Очиаури. Новые жилые постройки в Адигени. — «Материалы по этнографии Грузии», т. XII—XIII. Тбилиси, 1963, с. 140 (на груз. яз.).

Рис. 1. Современные дома в сел. Мазери в Сванети Грузинской ССР (фото А. Д. Корноухова, 1974 г.)

торые элементы верхней одежды (у азербайджанок, например, шальвары, традиционные юбки и др.).

В приведенных примерах в одном явлении (или сфере) культуры традиционное и новое существуют как самостоятельные компоненты. Со временем традиция окончательно вытесняется новым. Однако этот процесс протекает не только таким образом. Нередко традиция и инновация, сливаясь воедино, образуют новую переходную форму, которая

Рис. 2. Село в Сванети (G. Merzbacher. Aus den Hochregionen des Kaukasus, Bd II. Leipzig, 1901. S. 669)

еще не стала новой традицией, но содержит значительно измененную старую традицию¹⁶. Это можно проследить, в частности, на примере изменений, происходивших в конце 1920-х и в 1930-е годы в женской одежде грузинок Хевсурети¹⁷. В эти годы здесь были распространены два

¹⁶ Я. С. Смирнова предлагает называть такие формы компромиссными, паллиативными (см. Я. С. Смирнова. Указ. раб., с. 5).

¹⁷ Т. А. Очиаури. Современная женская одежда хевсур.— «Материалы по этнографии Грузии», т. VI. Тбилиси, 1953, с. 45 (на груз. яз.).

типа женского костюма: традиционный и полутрадиционный, возникший под влиянием городской одежды, которую носили служащие в Барисахо (районный центр Пиракет Хевсурети). Однако назначение этих костюмов в быту местного населения было различным. В полутрадиционном костюме (в основе его было фабричное платье) хевсурки работали только в поле, так как традиционная одежда не была для этого приспособлена (ее вес достигал 15—16 кг). В остальное время они надевали традиционную одежду, поскольку носить полутрадиционный костюм в самом селе считалось предосудительным. Со временем городские платья хевсурки стали украшать по типу традиционных, и такой костюм уже носили они как повседневный. Однако во время праздников и на свадьбе предпочитали традиционную одежду. Невеста также обязательно надевала традиционный костюм и носила его в течение одной—двух недель после свадьбы.

Рис. 3. Грузинка-хевсурка в традиционном костюме (G. Merzbacher. Указ. раб., S. 753).

Такого рода переходные формы характерны для бытовой культуры не только наших дней, но и более ранних исторических эпох. Так, например, выкуп, дававшийся за невесту в некоторых районах Закавказья на протяжении последних 100 лет по нормам обычного права, был известен в следующих формах: 1) выкуп (скот, медная утварь, или, реже, денежная стоимость этих предметов), передавался отцу девушки и оставался в ее семье; 2) денежный выкуп также платился отцу невесты, но частично или целиком отдавался невесте в виде приданого; 3) выкуп, принявший форму подарков (деньги или вещи), даримых женихом невесте и составлявших часть ее приданого (другая часть давалась отцом девушки). Первая форма выкупа была, например, у хыналыгцев, у которых в начале XX в. скот или деньги передавались семьей жениха отцу девушки. Вторая форма выкупа в конце XIX в. была известна у азербайджанцев. Жених платил отцу невесты 50—300 руб. (*йол пулу*), которые расходовались на покупку для нее одежды и других вещей¹⁸.

¹⁸ А. Захаров. Домашний и социальный быт женщин у закавказских татар.— «Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 20. Тифлис, 1894, с. 128.

Рис. 4. Современный дом в азербайджанском сел. Атагла Грузинской ССР (Фото А. Д. Корноухова, 1975 г.)

У грузин-сванов в конце XIX в. выкуп (*начвлаши*) состоял из 4—5 быков, которые отдавались женихом отцу невесты и впоследствии составляли часть ее приданого. У грузин Аджарии в начале XX в. выкуп (*башлуги*) равнялся стоимости пяти коров. На эту сумму невесте покупалось приданое.

Эта традиция передачи *йол пулу*, *начвлаши*, *башлуги* и др. в форме подарков или денег, на которые приобретается часть приданого невесты или угощение для свадебного пира, встречается и в настоящее время. Например, в азербайджанских селах Северо-Западного Азербайджана (Кахский и Варташенский районы) родители невесты после обручения передают в семью жениха список, содержащий перечень различных предметов, которые они считают необходимым получить от жениха. Обычно это продукты: мешок сахара, масло, чай, мешок муки, мешок риса и один — три барана. В некоторых селах этих же районов у азербайджанцев, лезгин, ингилойцев, горских евреев в семью невесты принято давать только деньги, на которые ей покупается приданое. В Сванети в 1970-х годах жених помимо подарков (золотые кольцо и часы) дает значительную сумму денег, на которые девушка приобретает себе приданое.

Значительное увеличение в последние годы размеров приданого, рост ценности и числа свадебных подарков, расходов на похороны, отражают прежде всего возросший уровень материального благосостояния населения, в том числе и сельского. Однако затраты на свадьбу, постройку дома, похороны порой принимают такие размеры, что становятся обременительными. И тем не менее все считают подобные расходы обязательными, так как они воспринимаются местным населением, во-первых, как своего рода показатель социального престижа и, во-вторых, как национальные традиции. И хотя нередко встречается отрицательное отно-

Рис. 5. Дом конца XIX в. в азербайджанском сел. Атагла. Помещение используется для хозяйственных целей (Фото А. Д. Корноухова, 1975 г.)

шение к соблюдению таких «традиций», далеко не все в состоянии преодолеть силу привычки к утвердившемуся в последние десятилетия обычаю и положительное отношение к таким «традициям» большинства населения.

Новые, а также переходные формы и явления культуры, которые спустя какое-то время после появления воспринимаются народом как свои исконные обычаи, рождаются в результате как внутреннего развития культуры, так и внешних на нее воздействий. Внутреннее развитие культуры происходит под непосредственным влиянием социально-экономических факторов. В качестве примера можно указать на обычай избегания, возникший в условиях родового общества, просуществовавший на последующих ступенях исторического развития у всех народов мира и в прошлом широко распространенный на Кавказе¹⁹. Этот обычай проявлялся в самых различных формах: в избегании невесткой родственников мужа (отца, матери, старших братьев и др.) и зятем тещи; в свадебном скрывании жениха (иногда и невесты)²⁰, в разнообразных запретах в отношениях между супругами и т. п. Исторические свидетельства подтверждают древность этого обычая на Кавказе²¹. К концу XIX в. у большинства народов Закавказья все названные формы обычая избегания существенно изменились.

¹⁹ Из немногих исследований по этому вопросу на кавказском материале отмечу следующие: Я. С. Смирнова. Обычай избегания у адыгейцев и их изживание в советскую эпоху.— «Сов. этнография», 1961, № 2; А. Е. Панян (Тер-Саркисянц). Обычай избегания у армян и его изживание за годы Советской власти.— «Историко-филологический журнал», Ереван, 1968, № 2 (41); Г. А. Сергеева. Об обычае избегания у народов Грузии.— «Полевые исследования Ин-та этнографии», 1974». М., 1975.

²⁰ Я. С. Смирнова. Свадьба без новобрачных. (К вопросу о генезисе и функциях свадебного скрывания у народов Северного Кавказа).— «Сов. этнография», 1976, № 1.

²¹ А. Е. Тер-Саркисянц приводит свидетельство армянского писателя V в. Фавстоса Бюзанда об избегании невесткой деверей (А. Е. Тер-Саркисянц. Современная семья у армян. По материалам сельских районов Армянской ССР, М., 1972, с. 93).

Если прежде невестка не имела права даже встречаться со свекром, то со временем она не должна была лишь разговаривать с ним. У некоторых народов при этом женщина закрывала часть лица. Значительно уменьшились сроки молчания невестки. Быстро исчезал обычай избегания зятем тещи, но стойко сохранялись некоторые запреты в отношениях между супругами (например, муж и жена не должны были обращаться друг к другу по имени), свадебное скрывание жениха и невесты и т. п.

Названные формы избегания проявлялись неодинаково не только у разных народов Закавказья, но и среди этнографических групп одного этноса. Примером может служить Грузия. В Мегрелии в 1920-е годы невестка не говорила со свекровью и братьями мужа в течение двух-трех месяцев, а со свекром — год после свадьбы. В горах Аджарии (Хулойский район) избегание невесткой свекра нередко продолжалось (всю жизнь. Со старшими братьями мужа она не разговаривала 4—5 лет, со свекровью — от года до месяца. В нижних селах Аджарии (Кобулетский район) невестка не должна была разговаривать со свекром год. В Кахети в 1920-е годы невестка не говорила со свекром один — три года, со свекровью и братьями мужа — от года до нескольких месяцев.

Значительные сроки избегания сохранялись в начале XX в. в Армении. По свидетельству армянского этнографа Х. Самвеляна, невестка не должна была говорить со свекром всю жизнь, со свекровью — до рождения первого ребенка, с братьями мужа — 10—15 лет. С мужем в присутствии посторонних она также не говорила. В некоторых районах Армении в течение семи лет после свадьбы невестка закрывала часть лица и общалась со всеми с помощью мимики и жестов²². В дальнейшем подобное положение сохранялось лишь в горных районах Армении, где сроки избегания невесткой свекра и старших деверей достигали 10—15 лет. В предгорно-равнинных селах эти сроки сократились до 3—4 лет²³.

Аналогичные формы избегания фиксируются полевыми материалами и среди народов Азербайджана. Например, в северо-западной его части в 1920-е годы у азербайджанцев невестка не говорила со свекром и избегала показываться ему на глаза после свадьбы от нескольких недель до года. Молодая не говорила и избегала встречаться также со старшим братом мужа. Со свекровью она обычно начинала говорить очень скоро — иногда на следующий день после свадьбы. Сохранялся обычай избегания затем тещи. Через один-два месяца после свадьбы родители молодой женщины приглашали дочь и зятя к себе в дом, где устраивалось угощение, преподносились подарки. С этого момента зять получал право свободного общения с тещей. Муж и жена в азербайджанской семье строго придерживались запрета называть друг друга по имени. У удин Азербайджана степень сохранения обычая избегания во многом зависела от того, насколько новая семья невестки придерживалась традиций. Но обычно со свекровью она не говорила лишь несколько дней, со свекром — до трех лет. Несколько лет невестка не говорила с братьями мужа (даже двоюродными). У лезгин и горских евреев Азербайджана срок избегания невесткой свекра продолжался в течение одного-двух лет, когда молодая не должна была говорить с отцом мужа и скрывала от него свое лицо. У этих же народов сохранялось избегание супругов, выразившееся в запрете называть друг друга по имени.

В дальнейшем в обычаях избегания произошли значительные изменения: сократились сроки избегания (к примеру, у азербайджанцев Северо-Западного Азербайджана — до нескольких дней, у части армян и хыналыгцев — до одного-двух месяцев и т. п.), некоторые формы избе-

²² А. Е. Тер-Саркисянц. Современная семья у армян, с. 94.

²³ Там же, с. 96.

ром,
еко-
льно
ега-
ени-
ать-
т. п.
о у
ого
ды
рех
ой-
сю
со
ет-
эд.
да,
ге-
ка
ж-
н-
ах
гь
м
е

гания полностью исчезли из современного быта (например, зятем тещи). В новых семьях, создавшихся в советское время (особенно после 1940-х годов), муж и жена уже не придерживаются запрета называть друг друга по имени. В современном быту закавказских народов, у которых еще недавно было известно свадебное скрывание, этот вид избегания также исчез. В ряде районов Закавказья обычаи избегания полностью изжиты (например, в большинстве районов Армении и Грузии).

Изменения в культурно-бытовой традиции под влиянием социально-экономических факторов происходят и в областях быта, сохраняющих наибольшую консервативность, например в похоронах. Так, у армян традиции (соблюдение поминальных дней, сроков траура) сочетаются с такими новыми моментами, как участие женщин в похоронной церемонии на кладбище, куда прежде во время похорон армянка не имела права входить. Начиная с середины 1960-х годов в похоронных обрядах большинства народов Закавказья появились и другие моменты, не характерные для их традиционного быта. Это прежде всего значительное увеличение числа присутствующих на похоронах. Соблюдение при этом принятых поминальных дней (7, 40 дней, годовщина и др.) с традиционным угощением, которое в последние десятилетия стало богаче и разнообразнее, тяжело отражалось на бюджете семьи, устраивавшей поминки на свои средства. Традиция сбора на похороны большого числа людей, которые нередко приглашаются издалека, привела к удлинению сроков похорон (у грузин, например, с 2—3 до 5—6 дней). Эта тенденция наметилась уже в 1950-х годах.

Следует отметить, что многолюдность на похоронах и в некоторые поминальные дни еще в начале XX в. не была традицией всех народов и этнографических групп Кавказа. Примером могут служить грузины. Если у сванов на похороны собиралось все село, на 40-й день — вся ближайшая округа, а на годовщину — ближние и дальние села, и расходы, которые несла только семья покойного, были огромны, то у пшавов похороны проходили намного скромнее. Здесь в поминальные дни (7-й, 40-й день, годовщина) каждый приносил хлеб и вино, а состоятельные жертвовали барана или теленка. В Кахети в начале XX в. в похоронах участвовали 100—150 чел., ближайшие соседи могли принести вино и хлеб, но не деньги. Отмеченные в похоронах 1960—1970-х годов многолюдность, разнообразие и обилие угощения на поминках (особенно в случае смерти человека преклонного возраста), ставшие своего рода тенденцией, привели к тому, что в большинстве сел Грузии, Армении и Азербайджана для уменьшения расходов семьи участники похорон стали помогать деньгами. Собирает их специальный человек, составляющий списки, в которых указывается принесенная сумма.

Рассмотренные выше материалы свидетельствуют не только об изменении традиции. Нередко развитие традиции прерывается, и она исчезает из быта народа, а иногда принимает гипертрофированные формы (например, при похоронах). Наиболее интенсивно размывание традиций происходит в среде переселенцев, хотя этот процесс характерен не только для них. Но мигранты обычно попадают в среду, не сходную с прежними социально-хозяйственными условиями, а часто и в иное этническое окружение, что особенно влияет на состояние их традиций и прежде всего в области хозяйства и материальной культуры.

Грузины-хевсуры, горцы, поселившиеся в 1950-х годах в Самгори под Тбилиси, стали заниматься новыми для них отраслями хозяйства: овощеводством, виноградарством, птицеводством. В значительной мере изменилось хозяйство и грузин, переселенцев из горного Лечхуми (Западная Грузия), прежде занимавшихся полеводством и скотоводством. Поселившись в 1940-х годах в Очамчирском районе Абхазии, лечхумцы начали заниматься чаеводством, а позднее овощеводством. Из традиционных занятий в настоящее время у них развито скотоводство. У греков,

переселившихся во второй половине XIX в. из Турции в Аджарию, вместо животноводства (разведение крупного рогатого скота) основным стало чаеводство и цитрусоводство. Менялись также и другие стороны их культуры. Так, у них появились деревянные дома аджарского типа, не характерные для районов их прежнего местожительства²⁴.

Наряду с довольно быстрой утратой традиций известны факты, когда традиционные формы и явления культуры сохраняются на протяжении многих исторических эпох. Таков, например, открытый срединный очаг. Большая роль очага в общественном и семейном быту народов, и не только кавказских, обеспечивала устойчивость этой формы культуры. И все-таки со временем открытый очаг стал заменяться камином, а он в свою очередь сменился железной печью и газовой плитой. Такая смена форм культуры вносила в быт народов не только существенные социальные перемены, но и другого рода изменения (например, в формах жилища). Так, в Восточной Грузии (Кахети) с появлением камина, заменившего срединный очаг, задняя стена традиционных деревянных дощатых домов стала делаться из камня. Это в свою очередь вызвало изменения в конструкции крыши²⁵.

Культура сельского населения любого народа развивается не изолированно, а в постоянном контакте с культурами других этносов и культурой городского населения. Последствия таких контактов и взаимовлияний отражаются в бытовой культуре различным образом: во-первых, как заимствования элементов инонациональных культур; во-вторых, в виде проникновения городской (европейской) культуры. Наконец, новое появляется в результате «внутренней» модернизации быта. Возникновение и развитие каждой из названных инноваций имеют свою специфику. Так, проникновение в культуру народа (или народов) элементов культуры другого этноса — непрерывный, очень древний процесс, своими корнями уходящий в самую глубь истории человечества. Заимствование городской (европейской) культуры, наоборот, — явление сравнительно позднее. В Закавказье, например, массовое проникновение такой культуры (причем только в города) началось лишь с последней четверти XIX в. Различны и итоги указанных процессов. Если говорить о процессах урбанизации и модернизации, то они, в отличие от инонациональных заимствований, не имеют этнических признаков. Поэтому смена традиционной культуры городской в значительной мере ведет к утрате в культуре этнических форм. Иное происходит при взаимодействии двух традиционных культур. В этом случае обычно одни этнические формы сменяются другим или обе формы (исконная и заимствованная) существуют одновременно.

Инонациональные заимствования в культуре народов Закавказья прослеживаются в самые различные исторические периоды. В Грузии XVI—XVII вв. мужчины высшего и среднего сословий наряду с традиционной одеждой носили персидский и турецкий костюмы²⁶. В одежде части армян Грузии, переселившихся сюда в 1829—1830 гг. (современные Ахалцихский, Ахалкалакский, Богдановский районы), традиционный мужской костюм сосуществовал с костюмом общекавказского типа²⁷. В начале XX в. среди населения Ширванской зоны Азербайджана

²⁴ Об изменении традиций в среде переселенцев см. *Н. Г. Волкова*. У греков Грузии. — «Полевые исследования Ин-та этнографии, 1974». М., 1975; *ее же*. Удины Грузии. — «Полевые исследования Ин-та этнографии, 1975». М., 1977; *ее же*. Бацбийцы Грузии (этнографические заметки). — «Сов. этнография», 1977, № 2.

²⁵ *Г. Джавахишвили, Г. Давиташвили*. Жилые постройки в Кахети (По материалам Кахетской экспедиции 1973 г.). — «Мацне», 1975, № 2, с. 187 (на груз. яз.).

²⁶ *Н. Г. Волкова*. Статейные списки русских посольств XVI—XVII вв. как этнографический источник. — «Кавказский этнографический сборник», VI, М., 1976, с. 281.

²⁷ *Н. Х. Авакян*. Об ареалах народного костюма армян (XIX—начало XX в.). Там же, с. 201.

Рис. 6. Грузинки из Мегрелии, конец XIX в. (Гос. Музей Грузии, фотоотдел)

на наряду с традиционными мужскими головными уборами получила распространение так называемая черкесская папаха²⁸.

Как уже отмечалось, новое в культуре возникает и в виде урбанизированных (европейских) форм. В Закавказье такой процесс начался с середины XIX в. прежде всего среди городского населения. В Тифлисе изменения прежде всего появились в женском costume, в котором традиционная обувь типа *кошей* стала заменяться европейской. Раньше всего этот процесс затронул высшее сословие, а затем распространился и на среднее. Частично менялась и одежда, но традиционный головной убор, как правило, сохранялся²⁹. Стремительное распространение европейской обуви в последней четверти XIX в. происходило по всему Закавказью. Так, в 1890-е годы в городах Азербайджана у мужчин местная обувь (*коши*) стала заменяться сапогами, как их тогда называли, русского или европейского фасона. В селах же Азербайджана носили только традиционную обувь³⁰. В Грузии к концу XIX в. в женском традиционном costume наблюдались еще более существенные изменения. «Я довольно хорошо был знаком с краем (Кутаисской губернией. — Н. В.) еще 25 лет тому назад, при крепостном праве³¹, — писал И. Пантюхов, служивший военным врачом на Кавказе, — и был поражен пе-

²⁸ А. А. Измайлова. Материалы по народной одежде Ширванской зоны. — «Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане. 1974». Баку, 1975, с. 84.

²⁹ А. Гакстгаузен. Закавказский край, ч. 1. СПб, 1857, с. 77.

³⁰ «Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 11. Тифлис, 1891, с. 72, 73.

³¹ Крестьянская реформа в Грузии проводилась в течение 1864—1871 гг.

ременою, происшедшею с тех пор в costume женщин... Теперь я видел, например, в Сенаках, во время какого-то праздника, крестьянок, разряженных в пух и прах. Почти все они в ярких, иногда шелковых платьях, в хороших ботинках, с зонтиками, иногда в шляпках»³².

Конечно, подобную характеристику нельзя распространять на все Закавказье конца XIX в. и на все слои тогдашнего общества. Даже в конце 1920-х годов, когда проникновение костюма городского типа в большинстве районов Закавказья происходило очень интенсивно, этот процесс не был единообразным по всему краю. В сельских районах Азербайджана, например, в мужской одежде сочетались элементы традиционные (*архалыг*³³ и *шалъвары*), городские (пиджак) и военные (гимнастерка). Большинство мужчин носило папахи, а молодежь и дети — покупные кепки. На ноги надевались вязаные шерстяные или бумажные носки, чувяки³⁴, ботинки или высокие сапоги и реже — чарыхи³⁵. Молодежь уже, как правило, носила городскую одежду. У женщин сохранился традиционный костюм. Это были длинные, очень широкие юбки с мелкими складками и архалыг, делавшиеся из хлопчатобумажной ткани. Голову пожилые женщины покрывали большим шелковым платком преимущественно темного цвета, девушки — цветным. Обувью служили ботинки, туфли, чувяки и даже традиционные башмаки с острыми загнутыми вверх носками, без задников, на каблук с железными подковками³⁶.

Такой традиционный костюм конца XIX — начала XX в. частично еще сохранялся в 1970-х годах в некоторых азербайджанских селах Грузинской ССР (например, в Марнеульском районе). Конечно, здесь не было чадры, принадлежности старого костюма азербайджанки в ряде районов, но был *яшмаг* — платок, прикрывающий нижнюю часть лица. Мужчины носили городской костюм. Пожилые — китель, галифе, папаху.

Замена традиционной одежды европейским или военным костюмом, как уже видно из приведенных примеров, происходила не сразу, а постепенно, путем вытеснения отдельных элементов костюма: вместо *архалыга* — гимнастерка и китель, вместо *чарыхов* — сапоги и т. п. Дольше всего сохранялся головной убор, причем не только женский. Мужчины-азербайджанцы, живущие в Грузии, еще в 1950—1960-х годах носили папаху. Теперь этот головной убор иногда надевают местные чабаны и далеко не все старики. Основным головным убором мужчин в азербайджанских селах служит кепка, покупаемая в магазине. Таким образом, мы видим, что в течение некоторого времени народный костюм не является чисто традиционным, но это еще и не городская одежда, поскольку в таком костюме традиционное сочетается с элементами городской одежды.

Новое в культуре, как уже отмечалось, возникает в виде урбанизированных форм. Не менее активны в современном мире процессы, развивающиеся в результате научно-технического прогресса нашего общества. В быту народов Закавказья в 1920—1930-е годы появились радио, электричество, телефон, кино и др., в 1950—1960-е годы — газ, телевидение, холодильники. Влияние такого рода предметов на разные стороны культуры ощущается различно. Появление их в быту оказывает конечно, самое непосредственное влияние на переустройство его внешней стороны, а также сближает и создает у разных народов довольно

³² И. И. Пантюхов. Население Кутаисской губернии. СПб., 1892, с. 37.

³³ Верхняя одежда, по покрою напоминающая поддевку.

³⁴ Низкая обувь, которая шилась из двух кусков мягкой кожи. Шов проходил по заднику и подошве.

³⁵ Чарыхи — постолы из сыромятной кожи.

³⁶ А. Карашарли. Санитарно-бытовые очерки Азербайджанской провинции. — «Известия Общества обследования и изучения Азербайджана», № 6. Баку, 1928, с. 54, 55.

единую в каких-то проявлениях культуру. Огромна роль телевидения, кино, радио в приобщении народов к культурным и техническим достижениям мировой культуры. Влияние указанной техники на глубинные стороны быта народа более сложно. Модернизация быта народа происходит в целом легко, поскольку этот процесс не имеет этнических признаков и поэтому не вступает в противоречие с существующими традициями. И при наличии телевизора, газа и холодильника длительное время в быту могут сохраняться, например, обычай избегания, мытья ног невесткой мужчинам ее семьи, закрывание женщиной части лица и т. п. Но конечно, в сочетании с другими факторами модернизация, несомненно, воздействует и на семейный быт, изменяя и преобразуя его.

Еще менее затрагивает традиционный быт распространение, например, новых тканей, что также является одной из сторон процесса модернизации. Теперь сельское население Закавказья вместо шелковых, шерстяных, хлопчатобумажных тканей широко использует капрон, нейлон, силон, кримплен. Но одежда из этих тканей шьется или покупается в соответствии с традиционными представлениями и вкусами местного населения. Так, не приняты открытые платья, в некоторых районах обязательны длинный рукав, определенная длина юбки, более свободный покрой платья и т. п. Правда, эти традиционные «установки» в последние годы значительно нарушились. Девочки и девушки, жительницы сел, носят мини-юбки, а первые и брюки. Отношение старшего поколения к такой одежде самое отрицательное, поскольку ее внешний вид несовместим с их традиционным представлением о женском костюме.

Рассмотренные в статье материалы дали возможность понять некоторые стороны развития бытовой культуры в пределах одного региона — Закавказья. Здесь в результате многообразных процессов создается большая общность в культуре, которая складывается, во-первых, из конвергентно развивающихся форм; во-вторых, под влиянием многообразных связей, в-третьих, в результате активных процессов урбанизации и модернизации, что прежде всего влияет на хозяйственный быт народов и их материальную культуру. Вместе с тем народы Закавказья органически входят в новую историческую общность — советский народ.

Несмотря на значительное единство, в культуре народов Закавказья сохраняются и немалые различия, в основном в сфере языка и связанных с ним областей культуры, например, в фольклоре. Однако различия в бытовой культуре закавказских народов проявляются не только в указанной этнической специфике, но и в моментах другого порядка. И здесь прежде всего следует говорить о темпах распространения нового и исчезновения традиций, столь неодинаковых в среде разных народов, этнографических групп одного народа и в отдельных областях культуры. Отмеченная разница в темпах создает в культурах и их разных сферах весьма различное соотношение нового и традиционного, определяет степень сохранения традиционности и т. п. И здесь важно выяснить, зависит ли эта специфика от этнической и социальной среды, в которой происходит процесс развития бытовой культуры, или здесь действуют другие факторы. Изучение материалов по Закавказью позволяет предполагать, что не этническая среда прежде всего определяет специфику развития традиционного и нового в культуре. Не следует, видимо, связывать эти особенности и с былой религиозной принадлежностью закавказских народов. В среде христианских в прошлом народов можно найти немало различий в процессах развития традиций и инноваций, и наоборот, при сравнении аналогичных явлений в быту христиан и мусульман имеются общие черты. Таким образом, специфику развития традиционного и нового, прослеживаемую в разных районах Закавказья, вероятно, следует объяснить неравномерностью общественного развития в прошлом закавказских народов и их этнографических групп. Это видно, в частности, при сравнении уровня социально-экономического развития

групп грузинского народа, например, населения Картли и Хевсурети во второй половине XIX в. Первое находилось на стадии развитого феодализма с нарождающимися признаками капитализма, второе — в процессе начальной феодализации. Если в Картли в конце XIX в. имелось значительное городское население и создавался рабочий класс, то в Хевсурети не было ни городского, ни промышленного населения. Отмеченные моменты, несомненно, убыстряли в Картли и замедляли в Хевсурети процесс преобразования бытовой культуры.

При анализе процессов развития традиций и инноваций в культуре народа нельзя не учитывать весьма активного действия географических и демографических факторов: численности и плотности населения, характера расселения групп народа (близость к городам, промышленным центрам, население гор и равнин, степень компактности населения и т. п.), миграционной активности народа и др.

В процессах распространения нового в культуре или сохранения традиционного значительную роль играют также факторы этнопсихологического плана. Новое быстрее проникает в быт народа, если по существу и внешним признакам оно близко его традициям. Доказательство этому можно найти во всех областях культуры. Так, например, в мужском костюме закавказских народов широко используются гимнастерка, китель, галифе и сапоги. Именно они, а не европейские пиджак, брюки и ботинки, в 1930-х годах заменили традиционный мужской костюм и нередко служат одеждой пожилых мужчин в наши дни. Вероятно, данные элементы костюма больше соответствовали эстетическим нормам и традиционным представлениям местного населения о мужском костюме.

Несмотря на коренные изменения социально-экономических условий, которые ведут к изживанию традиций, некоторые традиционные формы быта обнаруживают большую стойкость. В основе этого лежит сила привычки, привязанность народа к своим обычаям, носителями которых на Кавказе нередко является старшее поколение. Сохранению ряда традиций в быту закавказских народов способствуют также некоторые черты их общественного быта: тесные семейные связи и солидарность односельчан, уважение к старшим, иногда носившее форму безоговорочного повиновения. Поэтому повседневная работа по переустройству отдельных сторон быта на Кавказе, столь успешно осуществляемая с первых дней Советской власти, должна проводиться с учетом исторических и этнических особенностей культуры местного населения. Только внимательное изучение этих особенностей поможет правильной и реальной оценке ныне живущих традиций и инноваций, а также активной борьбе с отрицательными явлениями нашей жизни³⁷.

TRADITION AND INNOVATION IN THE CULTURE OF THE PEOPLES OF TRANSCAUCASIA

The paper deals with the traditional and the novel elements in the culture of Transcaucasian peoples. It is demonstrated in the paper that tradition and innovation are generated by specific socioeconomic conditions and that in their further evolution they continue to be closely linked with them. Under the influence of these conditions the old tradition becomes modified; in time it disappears from the people's everyday life and is replaced by a new tradition that has grown out of an innovation. This is an infinitely continuing process. Historical facts lend support to the view that this is true not only of present-day culture but applies also to the culture of periods in the past.

³⁷ См. Постановление ЦК Коммунистической партии Грузии от 25 ноября 1975 г. «Об усилении мероприятий по борьбе против вредных традиций и обычаев». — «Заря Востока», 1975, 25 ноября.